

Александр Ермак

Офелия и Брут

(сборник рассказов)

Александр Ермак Офелия и Брут

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179978

Аннотация

В сборник рассказов «Офелия и Брут» вошли 12 рассказов Александра Ермака:

«Души моей гангрена»,
«Белка»,
«Куколка»,
«Озеро сладких слез»,
«Напарники»,
«Облачко»,
«Моей Ольге»,
«Любишь – не любишь»,
«Душ»,
«Лунный свет»,
«Семьдесят третий»,
«Офелия и Брут».

Все рассказы сборника объединяет тема взаимоотношений мужчины и женщины, двух таких разных «существ».

Содержание

ДУШИ МОЕЙ ГАНГРЕНА	4
БЕЛКА	12
КУКОЛКА	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Ермак «Офелия и Брут»

ДУШИ МОЕЙ ГАНГРЕНА

О, господи, какая же она дрянь... Стерва... Сволочь, мразь, гадина...

– Александро, дорогой. Доброе утро...

Доброе утро... Сколько нежности, заботы вкладывает Люси в эти слова. И с закрытыми глазами я вижу эту ангельскую улыбку, это умиление на ее лице. Сколько злобы и желчи скрываются за ними. Она уверена в том, что ничего доброго не ждет меня сегодня утром, впрочем также как и днем, вечером, ночью. Все как вчера, позавчера, неделю, месяц, год назад...

Доброе утро... Люси знает как я люблю сон, и поэтому будит меня прежде, чем зазвонит будильник. Каждый раз она находит вполне убедительный и даже благой для этой экзекуции повод. И я уже давно сам просыпаюсь до будильника. Лежу и с ужасом жду, жду, сейчас Люси скажет:

– Александро, дорогой. Доброе утро...

Потом она пойдет в ванную и запрется у меня перед носом.

Что Люси там делает все это время? Может, просто сидит на стульчике, смотрит в зеркало на свое довольное отражение, ловит в тишине учатившийся стук моего сердца, представляет гримасы моего раздраженного ума, беззвучно смеется?

Каждый раз она выходит из ванной в тот самый момент, когда я, проклиная все, направляюсь вниз по лестнице. Люси кричит мне в след:

– Александро, дорогой. Надеюсь, я тебя не задержала. Ведь ты еще успеваешь...

Я замираю на ступенях. Не нахожусь, что сказать. Ведь все так просто, так очевидно. Я возвращаюсь. Конечно, в шкафчиках снова перестановка. Что я не найду сегодня? Не вижу зубной пасты... слава богу, крем для бритья на месте... Бритва? Нет, вот она... Интересно, первый ли я сегодня ей пользуюсь?...

Я уже взведен, начинаю придираться, искать то, чего не было.

Люси знает, как основателен я в приеме пищи, как люблю неторопливо завтракать, обдумывая предстоящий рабочий день во всех подробностях. Поэтому она не торопится с завтраком. Я бы сам готовил его с большим удовольствием, но:

– Александро, дорогой. Я же должна делать твою жизнь легче и приятнее...

Люси всегда только начинает готовить, когда мне уже нужно выходить. Глядя, как она меланхолично намазывает масло на хлеб, как роняет на пол тщательно слепленный бутерброд, я вколачиваю себе в горло неразрезанную булку. Вливаю стакан чая, обжигая глотку, и бегу, бегу вниз по лестнице к машине, стараясь быстрее покинуть этот дом тихого семейного ужаса.

В выходные же дни я никуда не тороплюсь. Тяну завтрак, сколько могу, по сто раз пережевывая каждый кусок хлеба, яйца, сыра. Пью мелкими-мелкими глотками давно остывший кофе. В конце концов меняю его, но и новый кофе остывает так быстро.

Как могу оттягиваю момент, когда Люси решит, что я закончил свою трапезу, и произнесет натянуто томным голосом:

– Александро, дорогой. Может, займемся любовью?

Она права в том, что позволяет мне прожевать и проглотить мой завтрак. Это не дает мне подавиться и разом кончить все мои мучения. Хотя в эту минуту я готов поперхнуться и глотком воздуха – с ней заниматься любовью?

Молча и торжественно, как на каком-то обряде, Люси заводит меня в нашу спальню. Бережно и неторопливо стягивает с себя все одежды, аккуратно развешивает и расправляет в шкафу на плечиках, складывает на полках. При этом всячески отвергает мои робкие попытки помочь ей, притронуться к ней, обнять, поцеловать. Потом она укладывается на кровать, предварительно сняв с него и тщательно сложив покрывало, разводит свои ноги и, поворачивая голову на бок, скорчив личико великомученицы, высокопарно произносит:

– Александро, дорогой. Приди ко мне...

Когда я наблюдаю этот процесс, во мне умирает мужчина. Будто меня пинают в пах, и мой стройный крепыш корчится от невыносимой боли, становится безвольными, беззащитным, ни на что не годным, ничего не желающим.

Люси знает это. Я вижу по подрагивающим кончикам губ, по легкой испарине, выступающей на ее красивом и холодном животе. В этот момент она достигает, по-видимому, одной ей понятного оргазма.

Все друзья и знакомые завидуют мне черной завистью. И я сам себе завидовал. Я любил таких женщин... Миниатюрная, с точеными ножками и грудками, с грациозными кошачьими повадками, с таким милым личиком и такими распахнуто-удивленными глазами. Тонкие губы, короткая стрижка, длинные холеные пальцы, вызывающие своими прикосновениями священный озноб.

Когда только познакомился с ней, ухаживал и готовился к свадьбе (она не позволяла мне спать с ней до этого события, ссылаясь на традиции семьи), я представлял себе, как целыми днями буду трахать ее. Трахать там, где это только можно делать.

В спальней, разметав подушки и одеяла, наполовину свалившись в экстазе с кровати...

В саду на траве как Адам и Ева, наедине со всей планетой, на виду у всей вселенной...

В ванной среди теплых вздымающихся клоков пены, под потоком теплых упругих струй воды...

На кухне, на обеденном столе, потеснив столовые приборы и уронив на пол специи...

В подвале, отыскав среди рухляди боле менее подходящую взлетно-посадочную площадку...

В прихожей, вернувшись с вечеринки, горя желанием и нетерпением...

В мастерской, на верстаке среди груды стружек, источающей еще один природный запах...

В гостиной на кресле, пока гости осматривают библиотеку...

На балконе после заката, шагая в наслаждение как в пропасть, ощущая высоту и прозрачность воздуха...

У бассейна, настигнув ее после гонки у бортика, вытолкнув вверх, овладевая ею разгоряченной и мокрой...

Как я хотел сжимать эти укрытые ото всех груди, забрасывать на плечи эти недостижимые ни для кого ноги. Я представлял себе, как она будет всасывать меня в себя, как будет сладко стонать, кусая и царапая меня от восхищения и восторга. Удивленный мир будет отражаться в ее удивленных глазах.

Но в ту долгожданную, в ту разъедающую мое воображение, в ту самую новобрачную ночь Люси молча отстранила меня от себя, бережно и аккуратно разобралась со своим одеянием, легла на кровать и раздвинула ноги, повернув голову на бок, скорчив то самое личико великомученицы. В ту ночь я получил свой первый удар в пах.

Затем стал получать их регулярно по выходным. Когда я спал с ней последний раз? Лет пять назад? Да, я тогда изрядно надрался... Каким же тошным было пробуждение...

При всей своей неспособности быть партнершей, она целые дни посвящает уходу за собой, стараясь быть привлекательной, обворожительной, сексапильной. Тени. Пудры. Кремы. Помады. Гели. Краски. Лаки. Маски. Стрижки. Бритье. Массаж. Ванны и ванночки...

Сколько раз я задавал себе вопрос: зачем Люси это делает? Не для меня. Любовников у нее нет – я нанимал частного детектива. Не для работы, ведь большую часть времени она проводит дома. Для себя? Ей нравится быть красивой для самой себя? Ловить свою красоту в восторженных глазах окружающих? Одаривая мечтой, обещанием, не предоставлять на деле ничего? В этом Люси находит удовольствие?

На какой же крючок я поймался. Красивое, образованное, манерное, обворожительное чудовище.

Она хороший охотник. Как я не понял этого сразу. Был ослеплен, оглушен. Опьяненный самец, хомо сапиенс, надеющийся на взаимность. Я был польщен, когда Люси выбрала именно меня. Нет, я всегда ценил себя достаточно высоко, но был польщен, сознаюсь, был польщен. О, человеческое тщеславие...

А она действительно охотилась. В толпе поклонников Люси отыскивала меня. Достаточно известного, богатого и перспективного – для родственников и знакомых. Достаточно интеллигентного – для себя. Она знала мою доброту и мягкость, то, что не смогу противостоять ее нежной твердости, мягкому напору, скрытой наглости и хамству, застенчивому цинизму. Знала: я никогда не позволю себе ни одного грубого слова или жеста, никогда не заманусь и не ударю. Она сможет использовать меня безнаказанно.

И Люси оказалась права. Я действительно тот, кого она искала. И вот стою перед ней: здоровый и неглупый, вместе с тем совершенно безоружный мужик. Сношу все ее издевательства и оскорбления, и ничего не могу сделать. Не знаю, как с нею бороться. Я в тупике, я в отчаянии. Я не хочу прожить так весь остаток своей жизни. Но Люси каждый день говорит мне:

– Александро, дорогой. Мы будем жить долго и счастливо...

Она не оставляет меня одного. Даже если я закрываюсь в своем домашнем кабинете, через считанные минуты Люси разбивает мое уединение, пощелкивая ногтем по двери:

– Александро, дорогой, ты еще здесь?...

Да, она преследует меня по всему дому. С пачкой своих чертовых журналов о моде. Люси... критик мод, ведет колонку в одном из этих псевдоэлитарных журналов. Его издает ее папаша и надо отдать должное этому мужчине – он не уступил ей весь журнал. Он не доверил ей даже штатной должности. А так она не приносит никому (кроме меня) особого вреда, ваяет свою колонку целый месяц, гоняясь за мной со стопкой журналов по всему дому. В подвале, в саду, в мастерской, в прихожей, в ванной, на кухне, в спальней, в гостиной, на балконе, у бассейна. Всюду она настигает меня:

– Александро, дорогой. Послушай, пожалуйста... Ты же знаешь, как я дорожу твоим мнением...

Сначала Люси увлекалась спортом. Разъезжала по кортам и площадкам, брала интервью у мускулистых философов. Сама пыталась махать клюшкой, пыхтеть в тренажерном зале. Однако запах пота был ей предельно противен. И она обернулась к моде.

Теперь, после совместного с нею посещения журналистских сборищ, я знаю, что мода и спорт в журналистике – скопище бездарных людей. В этих отделах засилье невеж, прикомандированных сильными мира сего: родственники, любовники, любовницы, родственники любовниц и любовницы родственников. И еще, там на десяток душевных уродов в оболочке леди и джентльменов всегда найдется один болван, отдувающийся за всю эту публику перед редактором. За этих снобов, слоняющихся по чемпионатам и светским тусовкам, перемиывающих косточки знаменитостям и друг другу.

С какой скоростью я улепетываю утром на работу и как тащусь вечером домой. Что ждет меня сегодня? Тоже самое, что и вчера. Демонстрация свежескупленных тряпок? Просмотр и разнос фотографий манекенщиц в журналах? Чтение нового варианта ее статьи о моде?...

Пожалуйста, я готов смотреть, слушать, внимать. Я целый день готовился к этой встрече. Я стоически перенесу этот вечер, также как и все другие вечера.

– Александро, дорогой, поговори со мной...

Только не это... О чем, дорогая? Солнце мое от замороженное, о чем мы можем говорить с тобой? Моя работа не интересна тебе. Мои увлечения, привычки – моветон, варварство, пережитки, плебейство... Мои друзья – серость на серости... Соседи – предел тупости... О моих родителях? Уволь... О твоей бедной мамочке, которой не довелось увидеть счастья своей дочери? Говорят, что ты на нее как две капли... Конечно, ее жаль, но... О тебе? Можно, но только оч-чень осторожно... Конечно, люблю... Ну, не плачь, пожалуйста... Счастье мое... Как ты могла подумать... Ты самая-самая... Только ты... Только с тобой... Только в тебе...

О твоём отце? Не говорим, хотя достойный мужчина... Да, об этой наглой массажистке говорить не будем... О твоих подругах? Да, я слушаю, очень интересно... Неужели таки купила?... Да, он подлец... Благородный с виду... А его мать... Да, слушаю... А отец казался человеком с душой... Да, она сама хороша... Да-да, именно выпендрилась, кичилась... Именно, по заслугам... Вот у нас по-другому... Да, ты идеальная жена... Да, как хорошо у тебя все получается...

У меня болит голова. Я иду в спальню, зная, что меня ждет еще одна кошмарная ночь. Когда-то я спал как убитый, здоровым сном здорового человека. Но у нее-то бессонница... Люси будит меня по десять раз за ночь, ласково уговаривая перестать храпеть. Я в тысячный раз прошу выгнать меня в другую комнату, но:

– Александро, я не смогу уснуть без тебя...

И я провожу ночь в каком-то бреде, вздрагивая, ворочаясь. Я боюсь заснуть. Ведь, это означает быть тут же разбуженным ею...

Тщетно пытаюсь вспомнить, о чем мы говорили с ней до свадьбы. Помню как первый раз притронулся к ней, когда мы танцевали. Помню, когда я поцеловал ее в первый раз в эту целомудренную щечку. Помню, как впервые осмелился представить ее в своих объятиях. Но о чем, о чем мы говорили эти восемь месяцев нашего знакомства? Не могло же желание убить во мне разум? Я ведь должен был знать, что мне предстоит не только спать с этой женщиной. Говорить, думать, спорить, принимать решения... Или я думал, что все сложится само собой, естественно, также просто, как у всех...

И вот результат. Она естественна, она в своей стихии. А я? Какого черта я терплю эту холодную, распоряжающуюся мною куклу? Но что мне остается делать? Это сладкое слово – развод? Увы, только фига в кармане, только мечты, грезы, мираж в виде одинокого странника.

Люси ни за что не даст мне развода. Она не допускает даже самой мысли о разводе. Просто не понимает, как это пришло мне в голову.

– Александро, дорогой. Разве мы не счастливы?...

Наверное, Люси действительно счастлива. Наверное, это ее действительное представление о браке: получать удовольствие, терзая другого. Если она всю жизнь ждала этого момента, то, конечно, ни за что на свете не расстанется с такой возможностью.

Ее семья ее поддержит. Моя скорее всего тоже. Не поймут друзья, знакомые, сослуживцы. Не рассказывать же и в самом деле всем и вся, как Люси меня изводит, каждый день, каждый час, каждую минуту, из года в год...

Кто мне поверит? Она так красива, так внимательна и заботлива к гостям, к моим друзьям и знакомым. Как Люси преображается в присутствии посторонних. Играет с детьми, болтает с женщинами, волнует мужчин, прижимаясь ко мне – в ее глазах столько вселенской любви.

И все счастливы и спокойны за меня. Она и они счастливы. Все счастливы. Все, кроме меня. Или за счет меня? Или во мне? Как я устал.

– Александро, дорогой. Ты слишком много работаешь...

Это не работа изнуряет меня. Это наша с тобой совместная жизнь. А работа, работа – это единственное, что еще держит меня на плаву. Это мой спасательный круг. Когда я, обессиленный в волнах безбрежного семейного океана, готов пойти ко дну, я вспоминаю о работе, об этих десяти-двенадцати часах без тебя, Люси...

Работа... Ее малые и большие проблемы, бросающие многих в истерику, в шок, лишь закрывают на время лицо моей жены, ее голос, ее жесты...

Работа... Раньше она позволяла мне прятаться от Люси. Я напрашивался в командировки, даже в те, в которые никто и никогда не хотел ехать. Я оставался в грязных цехах с рабочими, ища неполадки в машинах. Подменял тех счастливыхчиков, что стремятся к семейному очагу. Я всячески оттягивал свое возвращение домой.

И чего же этим добился... Начальство стало так ценить меня, что больше никуда не отпускает. Для работы в цехах мне дали в подчинение целую толпу сотрудников. Для меня лично выделили отдельный кабинет, в котором я теперь с ужасом жду, что вот сейчас зазвонит телефон:

– Александро, дорогой. Ну, скажи, что ты меня любишь...

И мне некуда и незачем идти из этого чертова кабинета. И Люси это знает. Она звонит по несколько раз на дню:

– ...ты думаешь обо мне?

– ...ты скучаешь?

– ...ты рад меня слышать?

Принимая мой измученный вид за особое старание и напряжение на работе, начальство предоставило мне внеочередной отпуск. Оплаченный за двоих: «Вы заслужили побыть с женой побольше...»

Я мечтал об отдыхе, но с ужасом представлял его совместным с нею. И вот семь дней в одном номере. «Ты меня любишь?...» Модные журналы. «Александро, дорогой...» Без работы. «Займемся любовью?...»

И именно там, в этом чертовом гостиничном номере я нашел успокоение. На исходе первого же дня совершенно бешенный, вдруг засмотрелся на вазу у окна и потом внезапно перевел свой взгляд на затылок благоверной супруги. Необходимость расчета траектории и силы удара успокоила меня, предала ясность мыслям, а возможный результат принес долгожданный душевный покой.

Взвесив на взгляд вазу, медную с толстым дном, я четко, во всех деталях представил себе, как поднимаюсь с кровати, делаю шаг, другой. Беру вазу, чувствую ее тяжесть, укладываю в ладони, крепко обжимаю горловину пальцами, размахиваюсь – ваза опускается на рыжий крашенный затылок. Хрясть... Люси вздрагивает и беззвучно валится на пол. Я в восторге вскидываю руки, подпрыгиваю что есть мочи и ору, ору победный вопль первобытного человека...

– Александро, дорогой. Ты кричал, тебе что-то приснилось?

Это не сон. Это бред. Это наваждение. Я не убийца, не садист, не насильник. Я не терзал в детстве братьев наших меньших и дрался только защищаясь. Но это ведь тоже защита... Если бы Люси напала сейчас на меня с ножом в руке, ранила, а я в ответ убил бы ее этой вот вазой, то суд, возможно, и оправдал бы супруга. Но какая разница ножом, топором или словом, поведением, быстро или мгновенно? Увы, ни один суд не воспримет то, что долгие годы она медленно и наверняка убивает меня: разрушает мое некогда крепкое здоровье, раскачивает нервы, растлевает мозг.

Она источает яд. Я чувствую это. Целыми днями я дышу отравленными парами ее тела, ее души, ее ума. Друзья и родственники видят этот дивный цветок, а я, сорвавший его, дышу отравленным ароматом. Глядя на нее, думая о ней, чувствую как меня дурманит этот яд, как я меняюсь. В моих глазах появляется блеск безумия, в голове моей – несвойственные ей мысли. И мне кажется, что в эти минуты долгого нахождения вне общества – только наедине с нею, я способен на поступки, несвойственные мне. И если что-то лишит меня работы, моих редких встреч с родными и знакомыми, когда тело и мысли избавлены от дурмана, я умру отравленный ею...

Я замечаю, как медленно, но верно становлюсь сумасшедшим, душевным калекой. Еще немного и запросто смогу умереть – и это будет несчастный случай или в результате тяжелой и продолжительной болезни. И ее никогда не осудят. Более того. Ее будут жалеть, ей будут сочувствовать. И сама Люси будет стоять в черном платье у моей могилы с совершенно искренними слезами на глазах:

– Александр, дорогой. Как я любила тебя...

Нет, только не это. Я убью ее раньше...

Эта мысль позволила мне расслабиться. Я даже улыбнулся и посмотрел на себя в зеркало, чего давно не делал в середине дня. Более того, впервые за несколько последних лет я пригласил ее на ужин в ресторан.

Мысль о ее убийстве позволила мне выжить, пережить этот совместный отдых, вернуться на работу и даже услышать от коллег:

– Отдых пошел вам на пользу...

Да, я вновь почувствовал вкус к работе. Из кабинета улетучилась наполнявшая его неотвратимость пришествия Люси. Временами я вообще переставал о ней думать. Теперь я не вздрагиваю и не бледнею, когда она звонит. Нет, я расслабляюсь, устраиваюсь поудобнее в кресле и представляю ее на электрическом стуле, говорящей мне:

– Александр, дорогой. Неужели ты меня не любишь?

Я отчетливо вижу ее нагое, дрожащее на сквозняке тело, ее разведенные, опутанные проводами ноги. Ее напряженные холеные пальцы, ухоженные ногти, впившиеся в подлокотник. Ее всклокоченную, покрытую ремнями и электродами голову. Ее лицо великомученицы. И глядя в ее еще незашоренные распахнуто-удивленные глаза, я отвечаю:

– Нет, не люблю, не люблю, не люблю...

И жму, жму кнопку замыкания...

– Вы меня вызывали?

Отзывается на звонок секретарша...

Дома я продолжаю упиваться своими мыслями.

Я подкрадываюсь к ней сзади и накидываю на ее шею удавку. Люси хрипит, рвется, но я не отпускаю ее и она падает к моим ногам замертво. И я вскидываю в восторге руки, подпрыгиваю и ору, ору победный вопль первобытного человека...

Я убивал ее кухонным топориком. Разделял на столе различными ножами на мелкие кусочки, раскидывал во дворе перед стаей ворон...

Я топил ее в бассейне. Последние пузыри на поверхности и вот ее безвольное тело мягко опускается на дно...

Я знал, что никогда не смогу убить. Ни ее, ни кого-то другого. Я даже не смогу нанять убийцу. Мысль о том, что я действительно убил, сведет меня с ума. Если раньше не сведут с ума мысли о представляемом убийстве.

Я травил ее. Цианистый калий в суп. Конвульсии. Мышьак в чесночный соус. Оцепеневший труп. Как красива, как хороша и как любима она мною в гробу...

Я распинаял ее в мастерской. Вбивал в нее гвозди. Она истекала кровью. И с каждой каплей я становился свободней...

Я бросался на нее привидением среди ночи. Инфаркт. Перед звонком в «скорую» – пауза в полчаса. Сердобольный врач разводит руками, а я брожу по пустому дому и ору, ору вопль первобытного человека.

Я высасывал из нее кровь вампиром. Накачивал наркотиками. Щекотал до смерти. Сжигал на костре. Бросал с балкона. Но Люси была живее всех живых. Она восставала из пепла. Выныривала. Воскресала...

Я заливал ей горло свинцом. Колесовал и четвертовал. Но Люси оживала и говорила: – Александр, дорогой. О чем это таким ты думаешь?

Я начал пить. Немножко в кабинете. Побольше дома.

Я и раньше надирался по поводу. Теперь я пил ежедневно.

Я перестал убивать ее. И начал убивать себя. В подвале, в мастерской, в саду, в прихожей, в ванной, на кухне, в спальней, в гостиной, на балконе, у бассейна. Везде у меня была припрятана бутылочка свободы.

Я ни с кем не хотел бороться. Никому ничего объяснять, доказывать. Я хотел одного. Чтобы меня отпустили, чтобы мне дали свободу. Свободу мыслей, жестов, поступков.

И с каждым глотком все больше и больше свободы вливалось в меня. Я смеялся, видя ее непонимающее лицо, ее невозможность совладать со мной, подчинить меня, причинить мне боль.

Да, Люси могла бы запереть меня в психушке, отдать на принудительное лечение. Но кто бы с ней остался рядом? Кого бы она мучила вместо меня?

Люси была не готова к моему побегу. И хотя отыскивала мои запасы, разбивала бутылки, она понимала, что проиграла – я покупал новые. Меня забавляла наша игра: я изошренно прятал, Люси как профессиональный сапер искала и находила. Но находила всегда меньше, чем я прятал. И с каждой бутылкой я все больше отдалялся от нее.

Каждый вечер я праздновал победу, ускользя от нее и накачиваясь жидкостью свободы. Я сидел в кресле или лежал на ковре или на лужайке и давал свободу своим мыслям, ощущал себя недосыгаемым для нее.

Мои веки смыкались. Перед глазами вспыхивал яркий свет. Другой свет. Другое небо. Другая земля. Море. Чайки. Это остров. Хижины среди зарослей. И дружелюбные, симпатичные аборигены. Они смеются, машут мне руками. Аборигенки. Ах, как смотрит на меня вон та. Да, она очень мила...

Я засыпал, пуская пьяные, но как в детстве счастливые слюни...

Каждый день после работы или с утра по выходным я обходил и обползал свои владения, зачастую не добираясь до спальни самостоятельно. Люси била меня по щекам, она что-то кричала, но она была далеко. Люси ничего не могла мне сделать. Я смеялся ей в лицо. Ей не добраться до меня, ей не причинить мне боль, не подчинить мои желания, не изменить ход моих мыслей. Все что она может – отобрать бутылку, но я обязательно найду другую...

А сегодня у меня прекрасный повод, редкостный праздник. Целый вечер ее не будет дома. Уехала на презентацию нового детища своего папашки. Такой вечер не скоро повторится. Чтобы распить бутылочку вот так, не прячься. Не оборачиваясь на шаги и шорохи, не боясь, что Люси зайдет и отберет выпивку. У камина, за столиком с закуской, не торопясь, расслабься.

Ну-ка, милая, иди сюда. Сейчас я наклоню твою головку и прижмусь к тебе губами, и ты отдашь мне всю свою плоть, всю свою страсть, все свое тепло, грезы. Ты подаришь мне свободу, это сладкое, высшее чувство...

О, я уже вижу, вижу мой остров. Остров свободы. Остров покоя. Нет журналов. Нет душевного макияжа. Нет лживых слов. Такое настоящее теплое солнце. Такой чистый и здоровый воздух. Здравствуйте, мои друзья. Здравствуй, моя Лола.

У тебя новая повязка?... И новые бусы?... Ты ждала меня, Лола?... Конечно, ждала. Ты что-то шепчешь на непонятном еще мне языке. Твой отец не будет против, если этот день мы проведем не в деревне, а на берегу океана, только вдвоем?... Что сказала твоя мать?... Мы можем идти? Как они добры и чутки. Я не обману их доверия, не причиню тебе зла. О, Лола, дай мне свою руку. Я крепко сожму ее. Бежим, бежим к океану. Ты пахнешь страстью, твои глаза и губы зовут, твои пальцы дрожат. Скорее окунемся в прохладные волны – моя кровь слишком горяча, мое лицо пылает. Лола, ты будешь во мне такое желание... Мы плескаемся в океане как дети. И бросаемся на песок. Я читаю тебе стихи, которые только что сочинил сам. Я пою тебе песни, которые ты не понимаешь. Но как ты слушаешь меня... Нет, по твоим глазам я вижу – ты понимаешь... О, я хочу, чтобы ты слушала меня. Как много я хочу рассказать тебе... И ты что-то шепчешь. Я обязательно выучу твой язык, я так хочу понимать и быть понятым... А хочешь, я покажу тебе, как здорово играю в футбол. В колледже я был лучшим полузащитником. Да, я сильный. Не веришь? Я донесу тебя на руках вон до той скалы... Донес... Ты смеешься... Ты верила, но хотела, чтобы нес тебя по песку, прижимал тебя к своей груди, к своему сердцу... Хочешь, чтобы я нес тебя дальше, к тем пальмам?...

Ну, кто может звонить в такую минуту?

– Александро, Александро. Люси попала в автокатастрофу... Это ужасно. Но не волнуйся. Она жива. Пара шишек, легкое сотрясение. Она будет жить долго...

О, господи, какая же она дрянь... Стерва... Сволочь, мразь, гадина...

БЕЛКА

– Опять свои копейки принес, – напустилась на Федора жена, когда он протянул ей полученную за месяц зарплату, – Только на прокорм и хватает. Все люди как люди. В кино, в гости ходят. А нам и выйти не в чем. Зима надвигается, а у ребенка даже шапки недраной для школы нет. Опять мне вечерами подрабатывать? А ты мне зачем? Вот счастье себе нашла...

– Ну, Насть..., – попытался смилостивить ее Федор.

Но жена, видимо, была совсем нынче не в духе. Вместо того, чтобы выговорившись привычно подобрать, она напустилась пуще прежнего:

– Денег нет. Окно в сенях разбито – полгода со сквозняком живем. Штакетник перед домом валится – чужие свиньи по двору ходят. А у него, то понос, то палец сбил, то стекло не завезли, то инструмент сломался... У всех мужики, как мужики. А у меня одной непутевый – только и может что жрать, спать да ворон в небе считать...

Была у Федора такая блажь: прилечь под открытым небом и смотреть вверх в синь, на облака, на самолеты, на птиц. А чтоб жена при этом не пилила за всякие его хозяйственные провинности, сбегал Федор при малейшей возможности в старый родительский дом на окраине деревни.

Отец с матерью уж несколько лет как умерли. Дом, по уму, надо было бы продать. Но Федор, как мог, оттягивал продажу под разными предлогами: то, мол, покупателей нет, то денег мало дают, а на следующий год за дом больше можно будет взять.

Дом же зарастал понемногу со всех сторон крапивой да полынью. От калитки до самого дальнего забора в огороде. Осталась только одна протоптанная Федором тропинка через двор мимо дома. В ее конце стояла посреди бурьяна старая проржавевшая кровать, выкинутая когда-то родителями из дома да так и не донесенная Федором до помойки.

На нее-то он и бухался. Блаженно закрывал глаза. В темноте растворялись непочиненный штакетник, разобранный да так и не собранный движок на работе. Уходили вдаль недовольное лицо жены и мастера. И тогда Федор снова открывал глаза и смотрел вверх на все, что летает, кружится, парит. И думал о том, что хорошо бы получить в следующую зарплату мешок денег. Отдать их Насте. Так, чтобы она заулыбалась и сказала:

– Ну, и мужик у меня. Тут хватит и дочке на шапку, и мне на сумочку, и тебе куртку вместо телогрейки справим. На люди не грех будет показаться...

Федор представил, как идут они втроем по деревне в кино. По центральной улице. Дочка – в новой шапке. Настя – с сумочкой как у агрономши. Сам – в куртке на меху, как городской.

Все на них будут глазеть. А Настя прижмется к нему поплотней и скажет:

– Не мужик у меня, а золото...

– И какого только черта я тебя такого непутевого терплю, – не унималась Настя.

– Ну, Насть...

– Ну-ну... Всю жизнь, ну да ну... Не мужик, а дите великовозрастное. Мало мне одного ребенка в доме... Надоело. Уйди с глаз долой. Уходи и не показывайся пока ума-разума не наберешься...

– Ну, Насть...

– Я все сказала, – неожиданно твердо отрезала жена и вытолкала изумленного Федора за дверь. Заперла ее изнутри.

Федор, потолкавшись недолго у дверей, вздохнул и отправился на родительский двор. Пробрался в бурьян и завалился на кровать. Снова замечтался.

И дойдут они втроем до клуба. Мужики расступятся, пропуская:

– Здорово, Федор. Семейство выгуливаешь?...

– Да надо бы немного и развеяться, а то все работа да работа...

И вечером не пустила Настя Федора в дом. Пришлось заночевать в родительском.

И на следующий день история повторилась. И на следующий.

Новость облетела деревню. Мужики на работе кривили рты:

– Видать, совсем ты непутевый мужик, Федор. Ни движок толком починить, ни бабу приструнить...

Федор отмалчивался. Возвращался в родительский дом и смотрел в небо. А оно по-осеннему хмурилось. Мешало сосредоточиться. И еще какие-то шорохи в бурьяне появились.

Федор думал сначала, что ему кажется, будто тень какая-то там мелькает. Но потом затаился и выследил-таки. Белка рыскала по огороду. Готовилась, видать, к зиме. Собирала на огородах припасы, а под склад присмотрела себе заросший угол пустующего родительского дома.

Чудная красивая белка. Уже зимняя серебристо-бежевая шкурка. Пышный пушистый хвост. Маленькие бусинки-глазки.

Федор стал присматривать за ней.

В маленьком шупленьком тельце было столько сил. Белка ни минуты не сидела на месте. Прыгала по земле, по заборам и деревьям. Что-то рыла в бурьяне. Стрелой неслась к дому и обратно. Федор даже не успевал разглядеть порой, какую добычу она сжимала своими зубками: орех, подсолнуха кусок или еще что... Дела у нее явно спорились.

А на улице стало холодать и Федор снова попытался было вернуться домой. Но Настя снова его не пустила.

Тогда он пришел днем, когда жена была на работе. Но не пустила и дочь. Заревела за дверью:

– Не сердись. Мамка не велела...

– Не велела – так не велела, – развел руками Федор и снова вернулся в родительский дом. Затопил в нем печку. А для наблюдений нашел себе новое место – на завалинке возле двери под крышей. Там не дуло и не капало, как в бурьяне.

Белка уже совсем свыклась с его соседством. Бегала не только по огороду, но и по двору. Даже когда Федор сидел на завалинке.

Однако стоило ему встать или хотя бы поднять руку, она тут же взмывала на старую яблоню, а с нее на крышу дома.

– Ишь, какая пугливая, – дивился Федор.

Утром уходя на работу, он оставил на завалинке сухарь. Вечером не нашел его:

– Ага, съела. Не гордая, значит...

И каждое утро он стал оставлять ей подарки: горсть семечек, кусочек печенья, старую, найденную в родительском столе карамельку. Белка все прибирала.

В выходной Федор решил попытаться отдать свой подарок лично. Присел на завалинку и дождался, когда белка спустилась во двор с яблони, прыгнула несколько раз по двору и замерла, глядя на него. Тогда он легонько бросил ей печенье.

Белка отпрыгнула в сторону, но не убежала. Подождала немного и вернулась на прежнее место. Потом осторожно подобралась к печенью, схватила его зубками и тут же метнулась на яблоню.

Теперь Федор с утра не оставлял ей ничего. Сам выходил с угощением вечером после работы. И белка тут же появлялась. Она ждала его.

– Получается, – расплывался в улыбке Федор, глядя на все ближе подбирающуюся к нему с каждым разом зверюшку.

Вскоре белка начала подходить к нему на вытянутую руку. И Федор решил кормить ее уже с ладони. Протягивал кусок яблока:

– Ну, бери же, бери...

И еще через несколько дней она действительно начала брать подарки прямо с руки.

Потом позволила себя погладить. Федор снова разулыбался:

– Давно бы так...

Она стала совсем ручной. Щелкала семечки с ладони и уже не напрягалась, когда Федор проводил пальцем по ее голове, по шее, по спинке, трогал пушистый хвост.

В один из дней Федор почувствовал, что белка его уже окончательно не боится. Он улыбнулся и протянул ей печенье. Она взяла и как обычно потянула гостинец лапками в рот.

Федор погладил белку по спинке. Она даже не вздрогнула. И тогда он крепко прихватил ее рукою. Поднял в воздух.

– Непутевый, говорите. Будет к зиме моей дочке шапка... Еще какая шапка будет, – потряс он белкой в сжатой ладони.

Зверек дернулся было. Но Федор еще сильнее свел пальцы. Так, что хрустнуло что-то под ними. Маленькое тельце обмякло...

КУКОЛКА

– В этом году мы рекомендуем вас в аспирантуру...

Так сказал ей директор, пригласив к себе в кабинет.

– Вы же хотели продолжить образование?... Я не ошибаюсь?...

Он не ошибался. Анна действительно хотела учиться дальше. Ей казалось, что она еще многое может. Внутри себя Анна ощущала какое-то беспокоящее, ничем не занятое пространство. Надеялась, что новые знания, уверенность в себе заполнят эту пустоту. И тогда она уже на полных основаниях сможет быть довольна собой.

Анна и сейчас имела определенные успехи. Ее любили ученики. Уважали их родители. Порой хвалили даже коллеги. Но она думала о том, что никто из них не может реально оценить ее. И мечтая об аспирантуре, сомневалась: достаточно ли у нее знаний и опыта для сдачи экзаменов. Ведь в конкурсе будут участвовать лучшие преподаватели из лучших, экзамены принимать – признанные специалисты. Такие, как их директор школы – бывший заведующий кафедрой, сменивший вдруг однажды теоретическую работу на практическую, большой город – на маленький.

Он был великолепен в своем директорском кресле. Серьезный, зрелый мужчина с ученым взглядом и платочком в нагрудном кармане пиджака. Директор овладевал посетителем с порога, молча выслушивал его лепет и четко произносил свой приговор:

– Рассмотрим на педсовете...

– Придется принимать меры...

– В этом году мы рекомендуем вас в аспирантуру... Надеюсь – не подведете...

Анна вышла от него восторженно-растерянной. Она спиной чувствовала – он провожал ее действительно заинтересованным взглядом. Но как не обмануть его надежд?...

День был таким ярким и красочным. Над зеленой поляной порхали бабочки. Ветер замирал от прикосновений к ним – шелковым, парчовым, бархатным. Лучи солнца, отражаясь от их крыльев, разлетались вокруг осколками радуги. Воздух был наполнен шелестом, запахом цветов, жизнью. А под нижним листом одного из цветов лежало нечто неподвижное, укутанное в твердую серую оболочку – куколка.

Анна долго смотрела на это странное существо, почему-то ожидая, что вот-вот на ее глазах сойдет защитный покров и перед ней во всей своей красе предстанет новый великолепный обитатель этой поляны.

Но ничего не происходило. И тогда, не выдержав, она осторожно прикоснулась к куколке. И тут же волна сладостного тепла прокатилась по всему ее телу. Она вздрогнула и проснулась...

Несколько дней Анна решалась. И решилась. Зашла к нему в кабинет:

– Если смогу подготовиться к аспирантуре, то только с вашей помощью. Могу ли я рассчитывать?...

Он пристально поглядел на нее:

– В этом безусловно есть резон... Если я буду располагать свободным временем, то...

Они занимались в его кабинете.

Анна тщательно готовилась к каждой встрече. Читала, конспектировала, кое-что зубрила. По несколько раз чистила и гладила свою одежду. Ведь иногда во время занятий он останавливался вдруг взглядом на какой-нибудь части ее платья или тела. И она вновь и вновь разглядывала себя в зеркале – нет ли пятен, складок, пушинок, не растрепались ли волосы, не осталось ли на руках мела или чернил.

И Анне казалось, что она все делает верно – при встречах директор глядел на нее с улыбкой. Одобрительной, без сомнения.

Несколько раз в их занятия вмешивались телефонные звонки, запоздавшие преподаватели и родители учеников. Он заметно раздражался, когда его отвлекали. И тогда Анна предложила заниматься у нее дома – это рядом со школой, живет она одна и никто не будет им мешать.

Он согласился.

В квартире было чисто и прибрано. Анна как всегда была хорошо подготовлена. И все же почему-то ощущала волнение – легкое, непонятное и одновременно смутно знакомое.

Директор пришел вовремя. Как обычно выслушал ее задание, отметил и обсудил с нею небольшие ошибки. Объяснил новую тему, назвал необходимые материалы.

Полтора часа пролетели быстро. Он попрощался и пожал ей руку. Впервые. Своей сильной, такой гладкой и теплой...

Отныне директор подавал ее и при встречах в школе, явно отмечая Анну среди других учителей. Пожалуй, впервые в жизни ее так выделяли из коллектива. Это было и неловко, и приятно. И еще она теперь частенько слышала за спиной:

– Аспирантка...

Кто-то смотрел на нее с одобрением, кто-то без. Но что ж теперь. На ее месте мог быть каждый, кто захотел бы пойти дальше. И она, ощущая признание своих успехов, своей значимости, с каким-то особенным чувством благодарности и надежды подавала ему руку.

Анна ступала по прекрасной поляне. Бабочки уже не пугались ее, кружили свои хороводы совсем рядом. Вот только с куколкой, все также лежащей под листом, ничего не происходило. И Анна вновь и вновь прикасалась к этому невзрачному существу, пытаясь расшевелить его. Вновь и вновь по телу пробегала волна сладостного тепла...

Несколько месяцев их занятий пролетели незаметно. И однажды он произнес, улыбуясь:

– Ну, вот и все, что я мог сделать. Вы хорошо поработали и, я думаю, без проблем поступите...

От давних гостей у нее осталась бутылка вина и Анна предложила:

– Отметим окончание подготовительных курсов?...

Директор не отказался.

Пока пили, он живо и увлекательно рассказывал о том, что ее ждет. Как будет интересно и какая она молодец, что в отличие от многих к чему-то стремится.

Анна не замечала времени, ей было так тепло и уютно от спокойного голоса, от одобрительных слов, от самого его присутствия. И она не сразу поняла, когда директор поднялся из кресла и протянул руку:

– Мне пора...

Анна автоматически сжала его пальцы и как-то забыла отпустить их. Ему пришлось даже приложить некоторые усилия, чтобы освободиться:

– Ну, что вы, что вы... Я должен был это сделать, коллега...

Он ушел.

Над зеленой поляной по-прежнему порхали великолепные бабочки. Серое существо все также неподвижно лежало на своем месте.

Анна подняла куколку с земли. Она, наконец, решила помочь этому бедному созданию. Надорвала серое покрывало и в тот же миг прямо в ее руки брызнула липкая зловонная жижа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.